

Столовая во дворе была простой и ветхой. Деревянные столы стояли в паре с длинными скамьями, и голубовато-белые лампы освещали лица.

Пока он не вошел в кафетерий, Мэн Ци не знал, что во дворе было от пятидесяти до шестидесяти монахов. В этом отношении в Шаолине могло быть более тысячи монахов.

Поскольку все были одеты в серые одежды, никто не заметил Мэн Ци и других новых послушников. Они все сидели на скамьях и ждали, когда монахи, которые были на дежурстве, принесут им еду.

- Младший брат, садись сюда, - как человек, у которого был большой секрет, Мэн Ци лелеял спутника Чжэнь Хуэя в этом жестоком мире. Поэтому, думая с точки зрения взрослого, он хотел позаботиться о Чжэнь Хуэе, что также помогло ему облегчить его страх жестоких вещей вокруг него.

У Чжэнь Хуэя было искреннее выражение лица, и он совсем не стеснялся. Естественно, он сел перед Мэн Ци и уставился на еду на ближайших столах.

- Может, этот ребенок от голода стал глупым? - пробормотал себе под нос Мэн Ци. Он подозревал, что были некоторые проблемы с IQ Чжэнь Хуэя, потому что Чжэнь Хуэй не был бы таким скучным, как сейчас.

Дежурные монахи наконец подошли к их столу с корзинкой. Когда они открыли крышку, аромат еды ошеломил Мэн Ци.

- Пахнет потрясающе! - Мэн Ци не мог ничего поделаться, но похвалил еду. Он с сомнением подумал, "Неужели повара в Шаолине слишком профессиональны? Или это потому, что я слишком голоден?"

Дежурные монахи один за другим вынимали из корзинки блюда и ставили их на стол. В ту секунду, когда Мэн Ци узнал, что было в блюдах, он был поражен. "Это...это мясо???"

В большой миске, стоявшей в центре стола, лежал жирный и маслянистый кусок пищи, очень похожий на мясо.

Но мы же в буддийском храме!

Мэн Ци не мог поверить своим глазам и решил попробовать. Однако, когда он взялся за палочки, менее чем через секунду палочки посыпались со всех сторон.

Когда Мэн Ци понял, что произошло, верхний слой огромного мяса подобного объекта уже исчез. Похоже, все монахи за столом были очень искусны в поедании пищи.

Глядя на рот Чжэнь Хуэя, который был наполнен маслом, Мэн Ци подтвердил свою догадку. Все еще вздыхая о жестокой конкуренции за столом, он взял кусок и съел его.

Жирный кусок растаял сразу же после того, как он положил его в рот. С таким удивительным вкусом, он должен быть среди самых вкусных вещей в мире!

- Но это определенно чертово мясо!

Мэн Ци чувствовал, что только слова проклятий могли точно передать его чувства.

Во-первых, чтобы подбодрить его язык и желудок. Во-вторых, чтобы показать, насколько

невероятна реальность.

- Эй, братишка, - прошептал Мэн Ци Чжэнь Хуэю.

Палочки Чжэнь Хуэя двигались так быстро, словно у них были крылья. Он не переставал есть, и на его хорошеньком личике застыло сосредоточенное выражение, - Что?

- Это мясо! - Мэн Ци чувствовал себя обязанным напомнить своему младшему брату, чтобы он не попал в ловушку и не нарушил правила.

Чжэнь Хуэй искренне кивнул и сказал нечленораздельно с едой во рту, - Да, это мясо.

- Это был не вопрос..., - Мэн Ци понял, что между ним и Чжэнь Хуэем были коммуникационные барьеры.

В этот момент кто-то, сидевший рядом с ними, холодно сказал, - До просветления мы воздерживаемся только от острой пищи.

- Разве это не мясо? Я думал, что все монахи не должны есть мясо! - Мэн Ци подсознательно опроверг говорившего, после чего он заметил, что человек был его соседом по комнате, Чжэнь Гуань.

Чжэнь Гуань продолжал есть и саркастически сказал, - Ты, кажется, из аристократической семьи. Я не ожидал, что ты даже не поймешь, что значит "острая".

Это было как ахиллесова пята для Мэн Ци, и в данный момент он не знал, как ответить.

Внезапно молодой, чисто выбритый монах, сидевший по другую сторону стола, улыбнулся и начал объяснять, - Острая пища относится только к еде с сильным вкусом, например, к тем, которые содержат чеснок и зеленый лук. Однако в последние сто лет люди обычно видят Шаолинь как место, воздерживающееся от употребления мяса. Это нормально, что ты не знаешь реальной ситуации.

Мэн Ци благодарно кивнул ему.

- Первоначально Шаолинь запрещал только убивать живых существ. Позже, по доброте и милосердию, мы постепенно воздерживались и от мяса. Тем не менее, Шаолинь является одной из величайших сект Кунг Фу в мире, и ученики Шаолинь должны постоянно тренироваться и строить свои тела. Без помощи таких добавок, как волшебные травы и лекарства, и если мы перестанем есть мясо, не будет никаких способов вылечить повреждения в нашем теле. По этой причине Шаолиньские дисциплины говорят, что до просветления ученики будут следовать оригинальным буддийским изречениям и должны воздерживаться только от острой пищи. Однако мы должны помнить, что мы все еще не можем убивать живых существ.

- Значит, мы можем попросить кого-нибудь из простых людей или фермеров с холма убить для нас животных? - Мэн Ци примерно понимал, как это работает.

Как буддийская секта, которая преуспела в боевых искусствах, Шаолинь должна заботиться о состоянии тела учеников, которые только что присоединились к секте. Поэтому они решили следовать первоначальным изречениям Будды и сделать исключение.

Мэн Ци имел благоприятное впечатление к этому молодому монаху из-за логического и знающего объяснения монаха. Он улыбнулся и вежливо спросил, - Могу я спросить ваше имя

Дхармы, пожалуйста?

- Чжэнь Янь, - сказал молодой монах, продолжая есть.

Мэн Ци продолжал, - меня зовут Чжэнь Дин. Могу я спросить, что означает "просветление"?

Мэн Ци пытался воззвать к тому, что он, или тело, которое он использовал сейчас, было в очень молодом возрасте. Поэтому было бы разумно задать эти вопросы, так как в детстве он, возможно, еще многого не узнал от своих родителей.

Чжэнь Янь засмеялся и указал левой рукой на деревянный стол, - - Со временем ты поймешь. Сначала позаботься о своем желудке.

Мэн Ци посмотрел в том направлении, куда он указывал. Половина еды уже исчезла!

"Что бл..! Почему эти идиоты не дождались меня?"

Мэн Ци беззвучно выругался и присоединился к команде.

...

Наконец, Мэн Ци вытер рот и вернулся в комнату для медитации с Чжэнь Хуэем.

Вздых

- Честно говоря, еда здесь ниже среднего. Причина, по которой я думал, что она действительно хороша в начале, только потому, что я был слишком голоден.

Мэн Ци рыгнул, поглаживая живот, и начал оценивать качество своего обеда.

Чжэнь Хуэй подумал и сказал, - Это лучшее, что я ел в прошлом. Но если ты думаешь, что это плохо, значит это плохо.

- Что? Ты мне настолько доверяешь? - с любопытством спросил Мэн Ци.

Чжэнь Хуэй поднял руку, ощупал свою лысую голову и ответил несколько смущенно, - Я думаю, что ты хороший человек. Ты не ненавидишь меня, как все остальные. Поэтому я доверяю тебе.

Исследование связи между детским опытом и психическими расстройствами...

По какой-то причине это название всплыло в уме Мэн Ци.

Он как раз собирался похвастаться и утвердить свой имидж надежного и хорошего старшего брата, когда Сюань Синь подошел к ним со своим большим, толстым животом, - Эй, вы двое, идите уберитесь во дворе. Позже я расскажу вам несколько историй Цзянху и расширю ваши горизонты.

- Истории Цзянху? - любопытство Мэн Ци пробудилось. Спросив, где хранятся метлы, он позвал Чжэнь Хуэя, чтобы тот проводил его в комнату для уборки. Комната находилась в углу двора.

Нужно быть готовым к случайным просьбам, которые могут прийти в любое время. Мэн Ци не чувствовал раздражения по поводу такого рода просьб, пока они не были необоснованными или направлены против него лично.

Когда он был еще в школе, а потом на работе, учителя и старшие менеджеры нередко поручали ему уборку или другие тривиальные обязанности.

Метла скользила по каменному полу, поднимая пыль и убирая опавшие листья.

Будучи детьми, чьи тела еще не полностью выросли, Мэн Ци и Чжэнь Хуэй с трудом управляли метлами. Тем не менее, поскольку двор часто убирался, это не требовало много усилий, и Мэн Ци и Чжэнь Хуэй все еще могли управиться с этим.

Пока они подметали, у Мэн Ци внезапно появилась странная, но интересная идея. Он засмеялся и передразнил голос старика, - Братишка, тебе не кажется, что мы похожи на шаолиньского монаха-подметальщика?

- Верно, мы подметаем, - Чжэнь Хуэй даже не поднял головы и продолжал подметать.

Улыбка Мэн Ци застыла. Он вздохнул и подумал, "Так жалко, он не понимает мемов!"

Успокоившись, Мэн Ци вместе с Чжэнь Хуэем закончил уборку двора до захода солнца. Закончив, они увидели группу монахов в серых рясах, которые несли во двор скамьи.

Хотя монахи ходили беспорядочно, но расставив скамьи, они сидели тихо и аккуратно.

"Ну, это эффективно..." - Мэн Ци подозревал, что, возможно, Сюань Синь часто проводил такого рода лекции.

Небо было совершенно темным, когда Сюань Синь медленно вышел из своей комнаты. Как только он появился, несколько монахов немедленно поприветствовали его и либо ставили для него скамью, либо зажигали для него свет, демонстрируя совершенный энтузиазм.

- Старший брат, что такое истории Цзянху? - скучный Чжэнь Хуэй, похоже, интересуется этой темой.

- Ну, э-э, это объяснение займет много времени, поэтому я объясню тебе это после того, как мы послушаем дядю Сюань Синя, - Мэн Ци не хотел тратить время на обучение Чжэнь Хуэя "трудному" термину. Он тихо сидел на скамейке и ждал, когда Сюань Синь начнет.

Сюань Синь огляделся и остался доволен любопытными лицами перед собой. Он кашлянул и начал, - Сегодня я продолжу делиться своим опытом о яростной битве в городе Цзян Чжоу.

- "Летающая Якша" Ян Уво и "Ледяная Фея" Е Юйци оба известные имена на местной доске почета. Та битва, насколько помню я, была катастрофической. По крайней мере, 100 квадратных миль земли, которые окружали нас, были пропитаны кровью, и вся река была заморожена в лед... но, как бы я ни был милосерден, как я мог смотреть на страдания людей? По этому, я был там, повторяя имя Будды, и пытался разрешить эту личную обиду между ними...

Он был чрезвычайно поглощен рассказом, но только половина монахов, слушавших его, казалась заинтересованной. Другая половина выказывала только надменность и презрение.

- Дядя Сюань Синь такой классный! - Чжэнь Хуэй, по-видимому, стал более активным, слушая рассказы о Цзянху, к которым у него был такой же интерес, как и к еде.

Сонный монах Чжэн Ин, сидевший в одном ряду перед ними, не обернулся, когда сказал

голосом, неслышным, как жужжание комара, - Летающий Якша Ян Уво - мастер "Кулака зомби", который находится к востоку от реки Янцзы. "Ледяная Фея" Е Юйци - невестка господина Лу с Хуамэйских высот. Они оба в топ-30 местного рейтинга, что означает, что они одинаково сильны по сравнению с главами двора Дхармы и двора Бодхи.

- Главы дворов Дхармы и Бодхи... управляющие двора..., - Мэн Ци мгновенно понял, что Сюань Синь просто преувеличивает. Однако его преувеличения были в какой-то степени реалистичны, поскольку он хитро позиционировал себя в значимых событиях, которые действительно имели место в Цзянху.

"Так получается, что по сравнению с холодным Чжэн Гуань, сонный Чжэнь Ин более осведомленный?"

Чжэнь Хуэй продолжал нахваливать как умственно отсталый, - Я не знал, что дядя Сюань Синь такой классный!

Он не мог понять ни единого слова из того, что Чжэн Ин пытался передать.

Мэн Ци мягко потянул Чжэнь Хуэя за рукав и тихо сказал, - Глава намного сильнее, чем дядя Сюань Синь.

- Но ..., - Чжэнь Хуэй хотел спросить, если дядя Сюань Синь не был сильным, то почему он смог закончить яростную битву? Однако Мэн Ци остановил его и сказал спросить его еще раз, когда они вернутся в свои комнаты, так как, если Сюань Синь услышит их разговор, он может рассердиться и наказать их.

Сюань Синь был слишком возбужден и полон энтузиазма, хвастаясь, он неконтролируемо плевался во все стороны. После долгого, долгого времени он, наконец, закончил всю историю "Спасителя мира".

Он посмотрел на Мэн Ци, Чжэнь Хуэя и других новых послушников, - У вас есть вопросы? Нет ничего о Цзянху, чего бы я не знал.

Мэн Ци поспешно сказал, - Дядя Сюань Синь, мы слишком мало знаем о Цзянху и не могли понять многое из того, о чем вы говорили.

- Хм, правильно. Если ты не можешь понять, то не сможешь почувствовать, насколько я влиятелен и могуществен, - Сюань Синь кивнул и откашлялся, - Позвольте мне представить основы, которые ты должен знать о Цзянху. Я начну с четырех крупнейших храмов буддизма.

- Спасибо, дядя Сюань Синь, - радостно сказал Мэн Ци.

- Несмотря на то, что в мире существует бесчисленное множество сект Кунг Фу, если вы хотите знать, какие из них являются самыми сильными, то это должны быть линии четырех буддийских храмов, трех даосских сект, шести сект Мечников, шести могущественных обществ, девяти злых путей, 14 аристократических семей и...и шести еретических мастеров.

Он не был уверен, когда упомянул о шести еретических мастерах, но это не помешало ему продолжить, - Четыре буддийских храма это Шаолинь, Шуй Юэ, Цзинь Хань и ... Лань Кэ.

Он снова остановился, когда дело дошло до Лань Кэ, и, казалось, не был в этом уверен, - На самом деле, я вообще не понимаю, почему Лань Кэ находится среди четырех буддийских храмов. Никто не знает о них, и я слышал, что их ученики редко что-либо делают в Цзянху. У

них нет никаких известных историй, и они не внесли никакого существенного вклада!

Это был первый раз, когда другие монахи слышали что-то подобное. Все они с любопытством спрашивали, - Если это правда, то почему Лань Кэ находится среди четырех буддийских храмов?

Сюань Синь снова возгордился, - Я слышал, что, когда Глава был молодым настоятелем, он встретил преемника храма Лань Кэ в Цзянху. Позже он дал только один комментарий о Лань Кэ, и это было - "Если это суждено, то мир, в конце концов, будет маленьким; если это не суждено, то даже самое короткое расстояние будет похоже на расстояние между двумя полюсами."

- Какая риторика и таинственность!

Включая Мэн Ци, каждый монах в сером был поражен. Все они чувствовали смущение, любопытство и некоторый страх перед Лань Кэ.

Видя, что его слова шокировали всех, Сюань Синь удовлетворенно рассмеялся, - Вернемся к теме. Давайте сначала поговорим о нашем храме Шаолинь.

- Десятки тысяч лет назад была хаотическая борьба между демонами и богами, пока не пришел Будда и не подавил их. Однако в результате ладонь Будды потерялась, и никто не смог ее найти. Только две тысячи лет назад Дхарма, создатель Шаолиня, пришедший с пустынного юга и переправившийся через реку Янцзы, используя только тростник, нашел третье движение в ладони Будды. Найдя его случайно, он вернул в мир высшую буддийскую родословную. Несмотря на то, что у него не было учителя, создатель Дхармы был чрезвычайно талантлив. Он медитировал в течение десяти лет и развил Цзинь Цзин и многие другие Кунг Фу из своего понимания ладони Будды. Он использовал эти Кунг-фу в качестве основы для создания храма Шаолинь. Прошло всего сто лет, а Шаолинь уже стал одной из крупнейших сект в мире. После напряженной работы и сотрудничества многих поколений божественных монахов и мастеров у нас теперь есть целых 72 различных конечных Кунг-фу. Кроме того, если мы только посмотрим на те, которые находятся на том же уровне, что и Цзинь Цзин, мы добавили истинное Писание из Великой Фантазии и Удара Экзорциста в наш список самых драгоценных сокровищ храма. О том, какие божественные мастера получили или создали эти драгоценные Кунг-фу, мы поговорим в следующий раз.

Демоны, божества, истинное Писание из Великой Фантазии, и Удар Экзорциста ... Мэн Ци был полностью заворочен и начал мечтать о них.

Возможно, Кунг-фу в этом мире не так просто, как он думал. Были даже демоны и боги! Конечно, это все еще может быть простым мифом.

Внезапно Сюань Синь кашлянул и усмехнулся, - Поскольку сейчас уже очень поздно, я оставляю остальную часть истории на завтра.

Он быстро встал и исчез в своей комнате.

Эй, хватит дразнить людей! Мэн Ци только что приготовился слушать истории о 72 Кунг-фу и т. д., а Сюань Синь оставил его с непреодолимым любопытством.

Убрав двор, Мэн Ци и Чжэнь Хуэй тихо вернулись в свою комнату для медитации.

Чжэнь Гуань и Чжэнь Ин уже спали глубоким сном, их дыхание было долгим и расслабленным.

Они не разговаривали и молча лежали на своих частях кровати и все еще были погружены в мир Кунг-фу, который описал Сюань Синь.

- Младший брат, ты готов навсегда остаться монахом и не иметь возможности изучать шаолиньское Кунг-фу? - прошептал Мэн Ци, нарушая тишину.

Чжэнь Хуэй смутился, - Старший брат, что ты имеешь в виду под "готовностью"?

- Я имею в виду, счастлив ли ты, доволен ли и не хочешь ли чего-нибудь большего, чем то, что имеешь сейчас.

И снова Мэн Ци ощутил общительный барьер между ними.

Чжэнь Хуэй ответил, - О, теперь я могу есть, спать, работать и есть, пока не набью живот. Я могу слушать рассказы дяди Сюань Синя. Я согласен. Это намного лучше, чем раньше.

Затем он добавил, - Если бы я мог изучить ладонь Будды, Это было бы еще лучше.

Мэн Ци чуть не рассмеялся вслух, когда услышал это. Так что это было - "желание " или "нежелание"?

Он остановился на мгновение, а когда снова открыл рот, то обнаружил, что дыхание Чжэнь Хуэя уже стало мягким, Чжэнь Хуэй, по-видимому, спал.

В комнате для медитаций воцарилась полная тишина, слышалось только тихое дыхание, отчего ночь казалась еще темнее.

Луна за окном светила ярко и высоко в небе. Она посыпала пол рядом с кроватью серебристо-белым слоем, как зимний мороз.

Мэн Ци смотрел на спокойный и мирный вид. Различные эмоции, которые он сдерживал, внезапно стали неуправляемыми и заполнили его сердце. Печаль, смятение, жалость к себе... он также скучал по своей семье и своему старому миру.

Днем у него не было времени думать о многом, что усугубляло его страдания в такую тихую ночь.

Мэн Ци не мог уснуть, думая о своих многочисленных "прощаниях".

Только сейчас он полностью осознал эмоции стихотворения Ли Бая "Тихие ночные мысли":

"Передо мною лунный свет – как иней на земле.

Поднимешь голову – луна сияет в вышине,

Опустишь голову – тоска под ясною луной,

И мысли грустные придут о стороне родной."